

Культура. - 2004 - 21 - 27 окт. - с. 5

Литература убивают

жеванная беллетристика и политиканство

Борис ЕВСЕЕВ — автор нескольких сборников стихов, книг прозы “Юрод”, “Баран”, “Власть собачья”, романа “Отреченные гимны”. Лауреат премий “Нового журнала” (Нью-Йорк, США), журнала “Литературная учеба”, премии Фонда “Русское исполнительское искусство”. Стиль этого писателя глубоко самобытен: обилие художественных средств создает ощущение перенасыщенного словами и смыслами текста. Прозу Евсеева трудно читать в метро: она требует полного погружения в себя, сознательного отречения от суеты и быта. В середине октября Борис Евсеев стал специальным гостем Франкфуртской книжной ярмарки, на которой представил свою первую книгу на немецком языке.

— Борис Тимофеевич, готовясь к интервью с вами, я пыталась найти информацию о вас в толстых журналах и Интернете. Ваша официальная биография крайне скупа: родились в 1951 году, окончили ГМПИ им. Гнесиных и Высшие литературные курсы, в советское время не печатались. Об эту последнюю фразу глаз невольно спотыкался. Вы писали в стол или вас не публиковали?

— Начиная с 1974 года я неоднократно пытался опубликоваться, но мне это ни разу не удалось. Почему? До сих пор задаю себе этот вопрос... Скажем так, я писал вещи, которые не соответствовали идеологии советского времени, и исправлять их не хотел. Первый мой рассказ, например, был о человеке, который расстреливал в тюрьме заключенных. Я знал его лично и описал очень достоверно, но когда я принес этот рассказ в редакцию, на меня посмотрели как на полного идиота... Стихи и прозу я начал писать еще в детстве, а активно работать над словом стал, пожалуй, когда поступил в Институт им. Гнесиных. Это целая эпопея была — пятнадцать лет непечатания, и, возможно, на еще найдет свое выражение в моей прозе.

— То есть печатающегося писателя Бориса Евсеева породила смена политического строя?

— Можно и так сказать. Я никогда не был диссидентом, но мысли о том, что происходило в стране, имел самые нелицеприятные. К счастью, у меня была специальность, позволявшая зарабатывать на жизнь. Сейчас я музыкой уже не занимаюсь, разве что иногда пишу книги для детей о музыкантах и композиторах. Я с самого начала знал, что мой путь — в литературе, а не в музыке, и много раз пытался поступить в Литературный институт, но меня туда не прини-

мали. Формулировки были самые разные, но смысл их сводился к тому, что произведения Евсеева не соответствуют требованиям времени. Впрочем, теперь мне довольно часто приходится слышать: “Слава Богу, что ты туда не поступил”. Все-таки я не из тех, кто умеет подлаживаться... Потом, правда, я окончил Высшие литературные курсы, но к литературному образованию отношусь очень сдержанно. Литературный институт выпускает очень много народу, но хороших писателей среди них до обидного мало.

— Но, наверное, хороших писателей и не может быть много?

— Ну почему же? Страна-то у нас огромная. Германия, к примеру, гораздо меньше России, а писателей — и хороших! — на душу населения там гораздо больше. В современной же России хороших писателей явно не хватает. Но не в институтах они куются. У писателя один путь, испытанный веками, — жизнь, ничем не прикрытая, ни служебным положением, ни членством в союзах. Я лично очень благодарен судьбе за то, что в свое время никто не защищал меня, я был абсолютно одинок, маленький несчастный человечек, с которым кто угодно мог что угодно сделать. А с начала 1990-х я работал корреспондентом “Литературной газеты” и побывал во всех горячих точках и бывших советских республиках. Это бесценный опыт.

— Это был ваш сознательный выбор — поехать куда погорячее, чтобы потом было о чем писать?

— Я уверен: в жизни человека все совершается единственно возможным образом. От судьбы не уйдешь. Хотя, конечно, и истовое желание играет свою роль. Помню, я очень хотел попасть в Армению. Билетов на самолет не было, я приехал в Тбилиси и оттуда отправился поездом, ко-

Б. Евсеев

торый вместо восьми часов в итоге шел восемнадцать, его два раза грабили по дороге. В Ереване увидел спиленные деревья, очереди за хлебом, отсутствие электричества... Это был шок, какой не получишь у компьютера. А сегодня, между прочим, мы наблюдаем очень опасную тенденцию: люди, в том числе и писатели, все узнают из Интернета. И не понимают самого главного: из Сети можно скачать все, что угодно, но жить этим нельзя. И писать об этом не имеет смысла, но, к сожалению, современная литература пошла как раз по этому пути — виртуальному, не имеющему реальной почвы под ногами. А ведь настоящую литературу ничем не заменишь!

— Возможно, государство должно поддерживать литературу?

— Это очень сложный вопрос. Я лично не сторонник господдержки, поскольку не верю в ее бескорыстность. Думаю, в первую очередь литературу должно поддерживать общество, ради которого она и существует. А у нас сейчас ее низводят и убивают, заменяя, с одной стороны, жеваной беллетристкой, а с другой — политиканством. Это драма для России.

— Ваша проза далека от определения “сюжетная”. Она строится на парадоксальности образов, удивительной овеществленности поэтического языка, сочетании реалистических и модернистских элементов, что дало в свое время критикам повод изобрести термин “христианский неомодернизм”.

— Этот термин придумала филолог

Алла Большакова. Пожалуй, частично я с ним согласен. Христианские ценности сегодня выходят из-под студа забвения и должны звучать в литературе, хотя, конечно, литература — не церковь и проповедовать не должна, а должна максимально объективно показывать моменты, которые долгие годы у нас скрывали. Но, честно говоря, я сам не очень думаю об определениях и терминах — если о них думать, то писать будет некогда, а у меня сейчас в работе пьеса и новый роман.

— При чтении ваших рассказов и в особенности романа “Отреченные гимны” у меня сложилось ощущение, что главная тема для вас — это жизнь в самых неприглядных ее проявлениях, которые в итоге становятся поводом обращения к Богу.

— Часто именно низкие вещи приводят к взлетам и прозрениям. Но в советское время это старательно нивелировалось. У нас был положительный герой: вот он встал, оделся, нацист сапоги и идет от начала до конца произведения, чеканя шаг и умудряясь сапоги ни разу не испачкать. А в жизни так не бывает. Человек — не святой, и скрывать этого нельзя. Писатель, наоборот, должен найти и пронизать самую сердцевину, самую правду, иначе зачем вообще писать?

— Еще один ваш постоянный мотив — стремление в запретное, попытка вступить в диалог с потусторонними силами, постичь их. С чем это связано?

— XXI век, на мой взгляд, вообще станет веком, когда к человечеству наконец придет понимание того, что высший разум существует. Назовите его Богом, если хотите. Если внимательно всматриваться в жизнь, нельзя не заметить, что в ней происходят необъяснимые вещи и что существуют более высокие, чем человек, субстанции. Да, мне хочется пообщаться с высшими силами, и я убежден в том, что именно литература должна прокладывать эту тропку.

— Для описания подобных явлений вы изобретаете совершенно новый язык, чрезвычайно насыщенный и в лексическом плане, и в фонетическом.

— Меня часто спрашивают о языке моих произведений. Он не придуман, он родом из детства. Мой отец вырос в Тамбовской губернии и привнес в семью многие слова, которые в дру-

гих областях России почти не употребляются. Сам я долгое время прожил на юге России, в так называемой Новороссии, где также сохранился совершенно особый язык, неподражаемый южнорусский диалект. Я, например, не говорю “моргает”, а говорю “блмыает”. Или говорят “куняет” — о человеке, который уже не бодрствует, но еще не заснул очень крепко. И ведь жалко, что такого слова нет в русском языке! И таких примеров можно привести десятки. В общем, не столько я язык формирую, сколько он меня. И вообще я убежден в том, что именно язык формирует писателя, главное — услышать его. Возможно, это говорит во мне бывший музыкант.

— Если судить по рассказу “Слух”, опубликованному в начале этого года в журнале “Октябрь”, то вы прислушиваетесь не только к словам. “Только закрыв глаза, только вслепую, на ошупь, чувствуешь, как идет жизнь”.

— Дело писателя — вслушиваться, расшифровывать и угадывать... С рассказа “Слух”, думаю, начнется моя новая стилистика. И свой новый роман я написал именно в этой стилистике. И кстати, он о музыке, имеет подзаголовок: “Некоторые подробности мелкой скрипичной техники”.

— Вас нередко называют летописцем таинственной, мистической Москвы и даже сравнивают с Булгаковым. В новом романе феномен города также находит свое отражение?

— Сегодня уже нельзя делить литературу на городскую и деревенскую. Деревенской прозы, к сожалению, почти не осталось, ведь сегодня почти все писатели живут в городах. И конечно, феномен урбанистического сознания нуждается в самом тщательном и трепетном исследовании. Просто сказать “жизнь в мегаполисе” — значит ничего не сказать. Я всегда чувствовал мистику городов. Мы столько тут надумали, наговорили и надышали. В каждом городе есть своя поэзия и, что очень важно, есть культура. В селе культуры не осталось, и я не знаю, сможем ли мы когда-нибудь исправить эту ситуацию. Остается только умножать культуру городскую.